

ПРОТОИЕРЕЙ
Александр Мень

ПЕРВЫЕ АПОСТОЛЫ

Александр Мень

Первые апостолы

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня»

2008

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Первые апостолы / А. Мень — «Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Менья», 2008

ISBN 978-5-903612-25-3

Книга «Апостолы» является продолжением ставшей сегодня известной книги отца Александра «Сын Человеческий». Написанная столь же живо и увлекательно, она повествует о миссионерских трудах первых апостолов, о том, как, преодолевая трудности и испытания, они создавали первые христианские общины, как несли в мир Благоую Весть. Рассказывая об апостолах, отец Александр стремился с максимальной достоверностью передать исторические, биографические, социальные или даже бытовые реалии того времени. Книга написана прежде всего на материале Деяний и посланий апостолов. Кроме этого, отец Александр использовал античные и иудейские источники, а также обращался к трудам своих предшественников и современников, о чем свидетельствует обширная библиография, представленная в конце книги. Следует отметить, что новозаветные цитаты в тексте приводятся в переводе епископа Кассиана (Безобразова), однако, в некоторых местах автор дает собственный перевод. Встречается также свободный пересказ прямой речи, взятый из Деяний без указания на источник.

УДК 2
ББК 86

ISBN 978-5-903612-25-3

© Мень А., 2008

© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня, 2008

Содержание

От редакции	7
Предисловие	8
Глава первая	10
Рыбаки на озере	12
Ученик	15
Петр и апостолы	17
Скала Церкви	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Протоиерей Александр Мень Первые апостолы

Капернаум. Развалины синагоги

Редакционная коллегия:

Роза Адамянц, Наталия Вторушина, Наталия Григоренко, Павел Мень

Художник Александр Юликов

На обложке воспроизведен фрагмент картины «Апостолы Петр и Павел» Лоренцо Монако (1370–1425)

От редакции

Книга «Апостолы» является продолжением ставшей сегодня известной книги отца Александра «Сын Человеческий». Написанная столь же живо и увлекательно, она повествует о миссионерских трудах первых апостолов, о том, как, преодолевая трудности и испытания, они создавали первые христианские общины, как несли в мир Благоую Весть.

Рассказывая об апостолах, отец Александр стремился с максимальной достоверностью передать исторические, биографические, социальные или даже бытовые реалии того времени. Книга написана прежде всего на материале Деяний и посланий апостолов. Кроме этого, отец Александр использовал античные и иудейские источники, а также обращался к трудам своих предшественников и современников, о чем свидетельствует обширная библиография, представленная в конце книги. Следует отметить, что новозаветные цитаты в тексте приводятся в переводе епископа Кассиана (Безобразова), однако, в некоторых местах автор дает собственный перевод. Встречается также свободный пересказ прямой речи, взятый из Деяний без указания на источник.

Замысел этой книги возник в конце 70-х годов. Завершив 6-томную серию «В поисках Пути, Истины и Жизни», отец Александр начал писать книгу об апостолах как продолжение «Сына Человеческого», условно назвав ее «Первые сто лет». По мере работы первоначальный замысел получил иное измерение, и книга, уже под новым названием «Апостолы Петр и Павел» (или «Первые апостолы»), рассматривалась отцом Александром как начало новой серии – «Лики святых».

Цель этой серии, по его словам, должна была заключаться в том, чтобы «воссоздать по подлинным документам живые лица подвижников христианства, показать их на фоне эпохи и окружения, выяснить, чему мы можем научиться у них сегодня».

Однако продолжение рукописи было отложено – отец Александр приступил к новой большой работе по составлению «Библиологического словаря», но по завершении его к предстоящей работе вернуться не успел.

Несомненно, если бы не трагическая гибель отца Александра, замысел серии «Лики святых» был бы осуществлен и, возможно, книга об апостолах обрела бы новую авторскую редакцию как первая часть в составе новой серии. Сегодня, учитывая большой интерес к наследию отца Александра, мы публикуем эту книгу, считая ее в некотором смысле работой незавершенной.

Предисловие

Действие Духа в жизни Церкви, многообразные воплощения евангельского идеала, борьба с препятствиями, которые вставали и встают на пути к Царству Божию, постепенное раскрытие Благой Вести в истории – таковы темы этой книги.

Биографический жанр выбран для нее по двум причинам. На примере отдельных судеб легче увидеть, что совершается в недрах всего народа Божия. К тому же, если внимание писателя приковано к целым обществам, он волей-неволей теряет из виду нечто очень важное – осуществление христианства в жизни конкретной личности.

Разумеется, каждый святой был сыном своего времени, среды и культуры, однако он одновременно и возвышался над их уровнем. Состояние народного сознания и нравственности в среднем меняется медленно. Энергия поступательного движения как бы сконцентрирована в творческих гениях, мудрецах и святых. Они опережают современников, неся в себе движущую силу истории духа, то есть подлинной истории. Ведь если бы жизнь людей сводилась только к борьбе за существование, за место под солнцем, за господство одних над другими, она не заслуживала бы название истории и в принципе мало бы отличалась от жизни животных.

Мистик, подвижник, деятельный служитель добра, приобщаясь к мирам иным, утверждая правду, сострадание, любовь, бросают вызов человеку-зверю, придают обществу высшую сверхприродную динамику. Об этом писал Анри Бергсон: с появлением человека биологическая эволюция достигла предела, но на смену ей пришло возрастание духа, которое прежде всего проявляется в этике и мистическом опыте.

Именно поэтому биографии святых имеют всегда актуальное значение. Есть глубокий смысл в том, что Церковь издавна отводила так много места их почитанию и наследию. Этих людей, живших в разных странах и в разные века, порой столь непохожих по складу характера и дарованиям, роднят вера и любовь ко Христу, воля к служению и призвание свидетельствовать о Его Благой Вести. Хотя идущий от них свет есть свет, отраженный от подлинного его источника, Христа, в их лице Он как бы Сам продолжает Свое дело на земле...

* * *

Работая над этой книгой, автор намеренно отказался от заглавия «Жития святых». «Жития» – особый литературный жанр, преимущественно средневековый. Возник он в качестве пояснения к Мартирологам (перечням имен мучеников) и церковным календарям. Далеко не всегда составители «Житий» опирались на надежные источники. Там, где были пробелы, их, по законам жанра, заполняли трафаретными легендами. Старые агиографы редко стремились подчеркивать индивидуальные особенности святого. Житие, как и икона, было символичным, носило условный, обобщенный характер. Даже если писатель располагал достоверными сведениями, он ценил их куда меньше, чем современный биограф. В соответствии с требованиями житийной традиции он ставил акцент на общем, иконописном. Характерный пример – инок Елифаний Премудрый. Повествуя о преп. Сергии Радонежском, учеником которого он был, Елифаний сообщает поразительно мало о личности и облике святого; зато мы находим у него немало стереотипных черт, свойственных витиеватым византийским панегирикам. Это вытекало из художественных приемов жанра.

Житийная литература развивалась в тесной связи с фольклором и богослужением. В ней, как правило, не следует искать портрета, образа, «биографии». Тем более нет смысла просто перелагать «Жития» на современный язык. То, что было создано великими агиографами прошлого – Симеоном Метафрастом, Иаковом Генуэзским, свт. Димитрием Ростовским и дру-

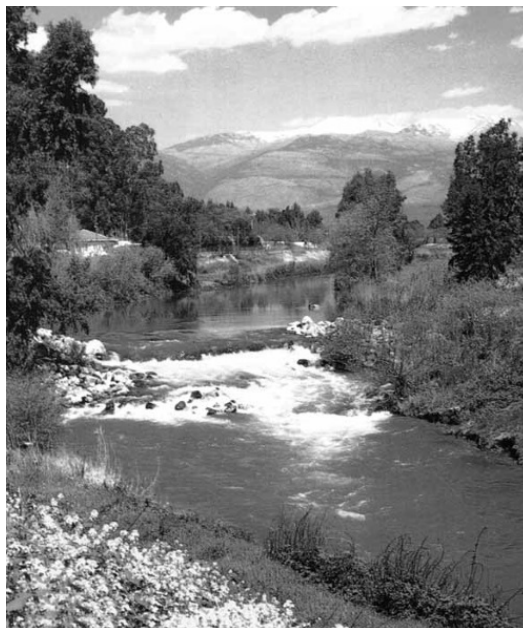

гими, – не терпит переделок. «Жития» прекрасны именно как законченное церковно-эстетическое целое.

Данная книга преследует совершенно иную цель: воссоздать по подлинным документам живые лики подвижников христианства, показать их на фоне эпохи и окружения, выяснить, чему мы сегодня можем научиться у них (ведь «иконам» подражать невозможно). Время для такой попытки давно назрело, о чем свидетельствует богатая агиографическая литература последних лет, посвященная как отдельным святым, так и святым конкретной страны или определенного времени.

[...] Книга посвящена первому столетию после земной жизни Христа, от 30-х годов I века до 30-х годов века II. Главными героями этого *первохристианского* периода были апостолы и их непосредственные ученики.

Автор надеется, что знакомство со святыми будет не только питать любознательность, но и сделает их ближе, научит молитвенному общению с ними.

У истоков Иордана

Глава первая

«Они пошли за Ним». Галилея и Иудея, 7—30 годы

В римском соборе в Латеране есть мозаика: седовласый старец с царственной осанкой восседает на троне, а у его ног склонились две маленькие фигуры – папы и императора. Старец вручает им знаки их достоинства. Это Петр, князь апостолов, над гробницей которого вознесен мощный купол ватиканской базилики. Таким же – почти сверхъестественным гигантом – виделся он ваятелю V века: его Петр, лицом напоминающий Юпитера, правой рукой преподает благословение *urbi et orbi*, городу и миру, а левой – сжимает символические ключи Царства...

Значение Петра как «камня Церкви» определено прямыми словами Христа; и неудивительно, что имя его с давних пор украшалось узорами легенд. В них простой народ выразил свое благоговение перед св. Петром. Первоверховный апостол, он – страж небесных врат, первый папа Рима, могущественный чудодей, каждый шаг которого отмечен знамениями.

Рим. Собор Св. Петра

Используя эту «икону» св. Петра, противники христианства пытались доказать, будто сам его образ возник из перекроенных языческих мифов. Кто только не помянут среди возможных прототипов апостола! Тут и римский Янус, хранитель рубежей, и персидский Митра, «бог, рожденный из скалы», и Атлант, «столп мира», и Геракл, и Протей, и Зерван¹. Между тем, реальный Симон-Петр, Петр Евангелий и Деяний, очень мало похож на титана или полубога.

Подобно тому как люди, стоявшие у колыбели Ветхого Завета, изображены в Библии без всякой идеализации, так и евангелисты, говоря о Петре, не скрывают его слабостей и противоречий в характере. Сегодня историку не приходится «стирать сусальную позолоту» с портрета апостола. Ее попросту не существует.

Рыбаки на озере

Мы не будем снова описывать те события, которые уже изложены в других книгах¹. Постараемся только еще раз взглянуть в облик человека, призванного Господом «пасти Его овец».

Но сначала бросим взгляд на мир, или, вернее, мирок, где вырос Петр и провел первую половину жизни. Родился он в начале I века в Вифсаиде. У Геннисаретского озера существовало, по-видимому, два города с таким названием (в переводе оно означает *дом припасов*, или *склад*). Обычно считают, что Петр происходил из Вифсаиды-Юлии, расположенной на северо-восточном берегу. Правитель Филипп назвал ее в честь дочери императора Августа, Юлии. Он перестроил поселок, расширил его и переселил туда много язычников². Быть может, наличием этого греческого элемента объясняется, почему отец Петра, Иона², дал сыновьям эллинские имена – Симон и Андрей. Впрочем, Петр носил и второе, сходное по звучанию, еврейское имя – Симеон³.

Жена Симона происходила из семьи капернаумского рыбака. Отец ее умер, и они с Петром перебрались к ее матери. За ними последовал и Андрей, чтобы помогать брату в работе. Имя жены Симона предание не сохранило; известно только, что позднее она стала верной спутницей апостола в его странствиях. Согласно одной легенде, у них родилась дочь, которую с ранней юности поразил тяжкий недуг, но никаких подтверждений этому в Новом Завете мы не находим⁴.

Жизнь Симона и Андрея ничем не отличалась от быта других рыбаков Геннисарета. Изодня в день они видели перед глазами сизую гладь вод в окаймлении холмов, слышали крики чаек, терпеливо занимались своим однообразным трудом.

Рыбы в озере водилось много, и она повсюду ценилась за вкус. Подростки добывали ее гарпунами и удочками, а настоящие промысловики выходили на лов сообща. Сети расставляли, а невода закидывали по несколько раз круговыми движениями. Рыбачить предпочитали ночью, чтобы утром можно было нести свежий товар на рынок. Большие лодки, как правило, оснащали парусами: с запада часто дули сильные ветры, переходившие весной в шторм⁵. Симону принадлежал довольно вместительный баркас; впоследствии Учитель неоднократно плавал на нем вместе с Двенадцатью.

* * *

От Капернаума уцелели одни развалины, но благодаря раскопкам можно представить себе панораму города, сыгравшего столь важную роль в евангельской истории. Сравнительно многолюдный и оживленный, он был, однако, невелик: несколько кварталов, протянувшихся на километр вдоль берега, покрытого галькой и камнями. Жилища делали из темного неотесанного базальта, а потом штукатурили. Исключение составляла белокаменная синагога, которую построил на свои средства римский офицер-прозелит⁶.

Формально Капернаум подчинялся иудейскому тетрарху Антипе. Но и прокураторы Рима⁷ держали там гарнизон, что диктовалось стратегическим положением города – на перекрестке дорог между Палестиной, Финикией и Сирией. В Капернауме нередко останавлива-

---

¹ См.: Мень А. Сын Человеческий; На пороге Нового Завета.

² В некоторых древних рукописях IV Евангелия он назван Иоанном.

лись путешественники и торговые караваны, поэтому Антипа учредил на берегу таможеню. Именно в ней служил сборщик пошлин, ставший позднее учеником Иисусовым.

Как теперь установлено, дом Симона стоял подле синагоги, почти у самого озера. После того как апостол его покинул, там продолжали собираться на молитву галилейские христиане; внутренние перегородки жилья были разобраны, чтобы вместить больше людей. Во время войны с Римом (66–70 гг.) каратели разорили все побережье, но верующие не забыли, где находилась их домовая церковь. На ее месте несколько веков спустя была возведена восьмигранная часовня. Совсем недавно под ее фундаментом археологи обнаружили остатки дома св. Петра⁸. На обломках стен уцелел рисунок лодки апостола и надписи на греческом и арамейском языках. Это доказывает, что капернаумская хижина оставалась святыней для христиан-евреев и паломников из других областей.

В чем-то это строение было сходно со старыми домами в Средней Азии или на Кавказе. Его окружал двор, отгороженный от узкой глухой улочки стеной. Во дворе сушились сети, стояли жернова и каменные кувшины для воды. Там же находился очаг и два-три деревца, под которыми можно было отдыхать в свободное время. Другие жилища, выходившие во двор, принадлежали родственникам жены Симона.

Вся жизнь семей протекала под открытым небом. В дома уходили на ночь или в непогоду. Комнаты были тесными, с маленькими окнами. Дверей не существовало, запирали только наружные ворота. Кровлей служил плоский настил, который при необходимости можно было легко разобрать.

Так примерно выглядел дом, где нашел пристанище Иисус Назарянин в первый год Своего служения.

* * *

Рыбаки Галилеи слыли народом грубоватым и темным. И вся эта округа была в глазах благочестивых южан чуть ли не языческой, населенной *ам-хаарец*, мужичьем, мало смыслящим в религии. Однако такое мнение нельзя считать вполне справедливым. Сын Ионы – один из тех, кто опровергал его всей своей жизнью. Он строго придерживался Закона, в частности, правил о запретной и дозволенной пище⁹. Хотя в Деяниях Петр назван «простецом», человеком «некнижным», это только означало, что он не прошел выучку в богословских школах; но, как и все израильтяне, Петр с детства овладел грамотой, знал Писание и был воспитан в преданности отеческой вере. Слово Божие, которое по субботам читалось в синагоге, не оставляло его равнодушным. Это доказывает хотя бы его путешествие на Иордан: едва ли человек, живущий одними житейскими заботами, бросил бы дом, работу и хозяйство, чтобы идти далеко на юг слушать проповедь отшельника, явившегося из пустыни, не говоря уже о той готовности, с какой Петр отозвался на призыв Иисуса следовать за Ним...

Также неверно полагать, что будущий апостол представлял собой в Капернауме исключение. Тесная дружба связывала его с сыновьями рыбака Зеведея – Иаковом и Иоанном, и роднила их не просто общность занятий, а настоящая духовная близость.

Ненастными вечерами или сидя за починкой сетей рыбаки могли беседовать, делясь новостями, тревогами и думами. Из Кесарии и Иерусалима доходили слухи о бесчинствах прокуратора и народных волнениях. Многие говорили, что близятся последние времена. Прежде всего это значило, что наступит конец ига язычников и восторжествует Царство Божие.

Правда, Симону и его товарищам грядущее рисовалось довольно смутно. Люди по-разному толковали слова пророков. Из рук в руки переходили десятки свитков, и в них нельзя было найти единого учения о Мессии и Его владычестве. Одни описывали Его как великого воина, похожего на партизанских вожakov Галилеи; другим Его приход виделся мировой ката-

строфой, когда померкнет солнце и звезды падут с неба; третьи изображали Избавителя идущим во главе тысяч ангелов. Находились и такие, которые уверяли, что Мессия даст народу новую Тору, новое Божественное учение¹⁰. Разобраться в этой многоголосице было нелегко. Но все заставляет думать, что четыре рыбака из Капернаума ожидали прихода чудесного Царя, Который с помощью сил небесных одолеет неверных и утвердит в Иерусалиме Свою вечную державу.

Именно поэтому они приняли Иисуса как бы за «монарха в изгнании», который скрывается в ожидании часа, когда можно будет дать сигнал к борьбе... В простоте душевной они строили честолюбивые планы и рассчитывали разделить с Ним триумф, заняв места у мессианского престола.

Ученик

С того момента, когда сын Ионы встретил на своем пути Учителя из Назарета и почувствовал на себе Его пристальный взгляд, судьба рыбака словно разломилась надвое. Он перестает быть просто одним из многих жителей приозерья, а делается участником событий всемирных. Выступая из тумана безвестности, он впервые появляется и на страницах Нового Завета. Мы видим его человеком темпераментным и восторженным, немного суетливым, склонным к быстрой перемене чувств. Он энергичен, порывист, но черт природного вождя в нем мало. Это мягкая, добрая, уступчивая натура, хотя в критические минуты он способен и проявить решительность. В словах и поступках Симона сквозит что-то бесхитростное, почти детское. Кажется, что весь он – словно на ладони.

Однако под зыбкой поверхностью есть прочная основа – вера, способность к любви и преданности...

– Симон, сын Ионы, любишь ли ты Меня *больше, чем они?*

– Господи, Ты все знаешь, Ты знаешь, что я люблю Тебя³...

И пусть в минуту страха он пролепечет: «Я не знаю Его», но ведь за час до того Петр окажется единственным, кто сделает отчаянную попытку защитить Наставника. Он добровольно – когда все разбегутся – подвергнет себя опасности, идя с Иоанном к дворцу Кайафы (Иоанн будет рисковать меньше: он знаком первосвященнику). К тому же Петр мгновенно опомнится и будет горько оплакивать свое падение.

Именно такой – то робкий, то самоуверенный, то наивный, то мудрый, но всегда искренний – Симон ближе и понятнее нам, чем «князь апостолов», застывший в неземном ореоле...

* * *

Дополняя синоптиков, четвертое Евангелие свидетельствует, что свое новое имя *Кифа*⁴ Симон получил от Христа еще при первой встрече на Иордане. По-арамейски оно означает одновременно *камень* и *скалу*. Позднее среди братьев, говорящих на греческом языке, апостола станут называть *Петром*, поскольку это имя тоже переводится как «камень»¹¹.

Нарекая так Симона, Господь едва ли имел в виду непреклонность его воли; в этом смысле сын Ионы «камнем» отнюдь не был. Скорее всего, в прозвище скрыт намек на призвание апостола – послужить в будущем основой, «скалой», для здания Церкви.

Сам факт переименования также знаменателен. Новые имена было принято давать слугам. По-видимому, этим Христос хочет сказать, что предназначает Симона служить Ему и Его делу. И проходит совсем немного времени, как Он говорит рыбаку: «Следуй за Мной».

Этот прямой и властный призыв прозвучал в Капернауме, куда Симон возвратился с Иордана. Подобно древним пророкам, Учитель ничего не объясняет. Он ждет от Петра полного доверия. И Петр молча повинуется – как велению свыше. Иисус же лишь добавляет загадочное обещание: «Отныне будешь уловлять людей». Впрочем, для любого, кто знает пророчества, оно не является загадкой. Ведь некогда было предсказано, что в мессианские дни Бог соберет чад Своих, словно рыб, посылая в мир чудесных рыболовов¹². Не таким ли «рыболовом» должен теперь стать он – сын Ионы?

А если намек понят правильно, значит, стоящий перед Симоном – воистину Помазанник Предвечного. Об этом говорит и символическое знамение: невод, заброшенный по указанию

---

³ В цитируемых текстах курсив автора. – Прим. редактора.

⁴ Точнее – Кефа.

Иисуса, неожиданно наполняется рыбой. Красноречивый знак, и вполне реальный, осязаемый: лодка накренилась, сети вот-вот порвутся¹³. Нужно звать на помощь других рыбаков. Иоанн и Иаков, подоспев, с изумлением смотрят на чудесный улов, едва вместившийся в двух баркасах – их и Симона.

Тогда-то проявляется еще одна черта Петра: его глубокое смирение. Он склоняется к ногам Иисуса: «Выйди от меня, Господин, потому что я грешный человек». Это не пустая фраза. Симон говорит от всего сердца. Он слишком непосредствен, чтобы допустить фальшь. Никогда мы не видим у него признаков гордыни. В нем есть тот удивительный здравый смысл, который позволяет ему видеть свою слабость и благоговеть перед Высшим. Петру кажется нестерпимым, чтобы Посланник Небес сидел здесь, среди мокрых досок, свежпахнувшей рыбы, бок о бок с ним – заурядным, недостойным существом. Потому-то он и просит Учителя выйти из его лодки на берег. Им руководит трепет, рожденный прикосновением к чуду. Много времени спустя подобные же чувства заставят Петра в ночь Тайной Вечери воскликнуть: «Ты ли мне моешь ноги? Не омоешь ног моих вовек!»

Но как тогда понять желание Петра идти по воде – в другую тревожную ночь, в ночь, когда Христос скрылся от взбудораженной толпы? Поступок апостола, казалось бы, плохо вяжется с образом смиренного человека. Однако на самом деле здесь в очередной раз сказался характер Симона, его импульсивность, неумение сдерживать первые движения души. По той же причине, пробудившись на горе Преображения, ослепленный неземным светом, он не найдет ничего лучшего, как предложить остаться там, соорудив кущи⁵. Накануне Страстей Петр скажет Христу: «Я с Тобой готов и в тюрьму и на смерть идти». И опять-таки в нем будет говорить не столько гордость, сколько порыв.

Смирение Петра и в том, что он становится поистине камнем, простым строительным *камнем*, покорно лежащим туда, куда кладет его Божественный Зодчий. Он отдает Господу все: себя, семью, дом.

Его лодка превращается в «амвон», откуда звучит слово Иисусово. С появлением Учителя в Капернауме привычной размеренной жизни рыбака навсегда приходит конец. Хижина рядом с синагогой становится жилищем Иисуса. Сюда идет каждый, кто хочет слушать слово Его или получить исцеление. Петру и его друзьям редко удастся беседовать с Наставником наедине. Как пишет евангелист Марк – вероятно, со слов Петра – «они не могли и хлеба поесть». Порой из-за толпы во двор невозможно протиснуться. Люди не расходятся до ночи, а то и до утра. Стоят у ворот. Больные протягивают руки, слышатся вопли одержимых...

При этом мы не замечаем, чтобы Петр проявлял недовольство. Он рад быть *камнем*, который безропотно служит замыслам Иисуса. Он не становится между Ним и народом. Напротив, когда Господь уединяется для молитвы, а люди приходят к Нему, Симон спешит Его позвать: «Все ищут Тебя».

⁵ Такие кущи (шалашы или палатки) ставили в праздник Суккот (Кущей) в воспоминание о временах странствия по пустыне, когда Господь пребывал «среди стана» народа Божия.

Петр и апостолы

Уже в начальный, капернаумский период Своего служения Христос отбирает из числа последователей группу людей, которой дает название *Двенадцать апостолов* или просто *Двенадцать*. Перед этим Он, удалившись от всех, долго молится, как делает всегда перед каким-либо важным шагом¹⁴.

Двенадцать для Христа не просто *ученики* и *друзья*, как Он Сам именует их, они Его «мать и братья». Он справляет Пасху в их кругу и, следовательно, смотрит на них как на Свою семью. Ведь этот праздник всегда считался домашним торжеством.

Само слово «апостол» ученикам знакомо. Апостолами, или посланниками – по-арамейски *шелухин*, – назывались особые представители иудейских духовных властей. Их отправляли *по'двое* в отдаленные области, обязуя следить за пожертвованиями, сообщать о решениях Совета, о сроках праздников, словом – осуществлять связь между центром и верными стран рассеяния¹⁵. Потребности такого рода в общине Христовой на первых порах еще нет. Своих апостолов Иисус посылает с отдельными поручениями и с тем, чтобы они готовили почву для Его проповеди там, куда Он собирается идти. Но постепенно они сами становятся благовестниками, помощниками Учителя в слове и деле. Его именем они возвещают приход Царства Божия, Его именем исцеляют больных – в знак наступления новых времен.

Их служение есть таинство, ибо Сам Христос будет действовать через них:

*Как послал Меня Отец,
и Я посылаю вас...*

Но мало того. Когда в притче о винограднике Христос изобличит недостойнство церковных вождей, Он скажет, что отныне Бог передает духовную власть в народе Божиим «другим». «Другие» – это, несомненно, Его апостолы¹⁶. «Что свяжете на земле – будет связано на небе, и что разрешите – будет разрешено на небе». В свете этих слов становится понятным обетование: «Сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых»¹⁷.

Но власть апостолов будет подлинной только в том случае, если они проникнутся духом Учителя, «кроткого и смиренного сердцем», Который пришел, чтобы «послужить» людям.

Число двенадцать взято Христом не случайно. Согласно библейской традиции, Церковь Ветхого Завета происходила от двенадцати патриархов и, соответственно, делилась на столько же колен. Моисей поставил над ними двенадцать старейшин. Даже после того как исторические бури разметали десять колен по свету, Община продолжала именоваться двенадцатиколенной. Сакральная цифра, напоминавшая о космических знаках зодиака, символизировала полноту народа Божия. Поэтому и современники Христа – члены Ордена ессеев, провозгласившие себя «истинным Израилем», поставили во главе своего союза двенадцать мужей¹⁸. Таким образом, избрание апостолов указывает, что в недра старой Церкви Иисус закладывает фундамент новой – мессианской.

* * *

Кроме Симона и Андрея в круг ближайших ко Христу учеников вошли Иаков и Иоанн. Подобно сыну Ионы, они получили от Него новое имя: Он назвал их *Воанергес* (арам. *Бенергаш*, сыны грома), что, видимо, отвечало их пылкому характеру. Св. Лука рассказывает, как однажды, возмущившись враждебностью самарян к Иисусу, братья спросили: «Господи, хочешь

ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их?»¹⁹ Есть, впрочем, и другое толкование, которое связывает имя Бенерегес с громовыми раскатами грядущего Судного дня.

Братья были воспитаны в духе ревностного благочестия. Их родители – Зеведей и Саломия – горячо откликнулись на проповедь Иисуса²⁰. Саломия часто сопровождала Его и, как могла, служила общине. Ей суждено было стоять на Голгофе, и ей одной из первых явится Воскресший.

О личности Иакова сведений почти нет; известно только, что он первый из Двенадцати отдаст жизнь за исповедование Христа. Его младший брат – фигура более заметная. Иоанн – любимый ученик Иисуса, что само по себе говорит о многом. Прочно установившееся, и скорее всего достоверное, предание относит его смерть к самому концу I века. Следовательно, среди Двенадцати он самый младший, в момент призвания ему исполнилось не более двадцати лет²¹. Если бы существовала уверенность, что *все* писания, носящие имя Иоанна, вышли непосредственно из-под его пера, это пролило бы дополнительный свет на его личность. Но поскольку такой уверенности нет, мы пока ограничимся тем, что известно из Евангелий.

Апостолы Петр и Андрей

На Тайной Вечери Иоанн займет место рядом с Господом, и ему одному будет дан тайный знак, указывающий на предателя. Иоанн проникнет в дом Кайафы, где от слуг сможет узнать, что там происходит. Из апостолов один Иоанн осмелится подойти к кресту на Голгофе, и ему Господь поручит заботу о Своей Матери, назвав Иоанна Ее сыном. Позднее Иоанн станет неразлучным спутником Петра.

Вначале сыновья Зеведея разделяли с остальными учениками их честолюбивые мечты. Им хотелось занять места по правую и левую руку от трона Мессии. Это, естественно, вызывало недовольство остальных.

Все евангелисты дают понять, что Петр, Иаков и Иоанн (иногда вместе с Андреем) пользовались особым доверием Учителя. Только они допущены Им в дом Иаира, видят на горе свет Преображения, к ним обращена пророческая речь на Елеоне. Только они – свидетели Гефсиманской молитвы Христа...

Филипп из Вифсаиды, как и его друг Андрей, носит греческое имя. Поскольку эллины-прозелиты, пожелав ближе познакомиться с Иисусом, обратятся именно к Филиппу, можно

думать, что он лучше других изъяснялся по-гречески. Рядом с именем Филиппа в списках апостолов стоит имя Варфоломея. Варфоломей означает – *сын Толомея*, собственное же имя его не названо. Уже давно утвердилось мнение, что он – одно лицо с Нафанаилом, уроженцем Каны, о котором говорит четвертое Евангелие²².

Симон Зелот, или Кананит, судя по прозвищу, прежде примыкал к партии экстремистов, которые готовили восстание против Рима. Фома – тоже прозвище: по-арамейски оно означает *Близнец*. Древнее предание именует его Иудой²³. Фома изображен в Евангелии человеком, склонным к сомнениям, но в то же время глубоко любящим Иисуса. Как и Петр, он в трудную минуту, не колеблясь, выразил готовность идти с Ним на смерть²⁴.

Среди Двенадцати мы находим и мытаря, или габая, чиновника капернаумской таможни, собиравшей пошлыны с проезжих. Христос призвал его вскоре после первых четырех учеников. У Марка и Луки мытарь назван Левием, а в первом Евангелии, Матфеем. Между тем в Марковом списке апостолов Матфей стоит вместо Левия. Возможны два предположения: либо мытарь Матфей назывался Левием по принадлежности к священническому колену левитов, либо его имя было Левый, а Матфей (*Матайá* – дар Господень) – прозвище. В силу своей профессии он наверняка был образованнее других учеников. Это вполне согласуется с древним преданием, что именно Матфей первым записал арамейские «Логин», изречения Христовы, которые легли в основу первого Евангелия²⁵. Сохранилось лишь одно свидетельство, характеризующее Матфея как человека. Он дружит со многими другими чиновниками и, когда становится последователем Иисуса, приглашает их к себе на пир, чтобы и они могли услышать слово Учителя.

Иаков, сын Алфея, – вероятно, родственник мытаря²⁶. Первые два Евангелия называют еще имя Леввея-Фадцея, который у Луки и в четвертом Евангелии заменен Иудой Иаковлевым. Последним в списках стоит Иуда, сын Симона, прозванный Искаротом, что, по-видимому, указывает на происхождение из южного города Кериота²⁷. Все, кроме него, жили в Капернауме или окрестных городах и знали друг друга еще до призвания. Иуда среди них – единственный чужак. Скорее всего, он присоединился к Иисусу во время Его путешествия в Иудею.

*Юлиус Шнор.
Первые ученики Иисуса Христа*

Загадка Иуды всегда вызывала споры и привлекала внимание, порой чрезмерное и неоправданное. Почему Иисус его избрал и ввел в число Двенадцати? Не значит ли это, что в душе Иуды было немало добрых зачатков? Естественно, он, как и другие, рассчитывал на «награду» в будущем, но ведь даже Петр, преданный и любящий, откровенно спрашивал Иисуса: «Вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам?» Разница заключается лишь в том, что Иуда, осознав тщетность своих надежд, утратит веру в Иисуса как Мессию и Посланника Божия. Отсюда останется один шаг до того, чтобы перейти в стан врагов Учителя. Однако неверно видеть в Иуде только циничного негодяя. Совершив свое страшное дело, он с ужасом поймет, что «предал кровь невинную»...

Впрочем, не только избрание Иуды может вызвать недоумение. Кажется, что никто из Двенадцати не был в состоянии понять Христа, как понял бы Его образованный и талантливый человек, вроде Павла. А подобных учеников Иисус без труда нашел бы в Иерусалиме (вспомним беседу с Никодимом). И это, безусловно, придало бы Его общине больший авторитет. Но Он остановился именно на «тех, кого избрал». Быть может, перед нами еще одна черта земного уничижения Спасителя? Но такой вывод будет поспешным. Случись по-иному, судьбе Евангелия грозило бы то, что произошло, например, с учением Сократа. Платон, пропустивший его

через призму своего гения, так переосмыслил идеи учителя, что от них осталась лишь тень, а в конце концов исчезла и она. Двенадцать же, мало способные к творческой переработке Евангелия, ограничатся тем, что дословно запомнят слова Учителя, как это было принято на Востоке. Именно благодаря им дух и в значительной мере буква Благой Вести будут донесены до нас чистым незамутненным источником.

* * *

Если Двенадцать были избраны по числу колен Израилевых, то Семьдесят апостолов указывали на традиционное число предков всех народов.

Из Семидесяти мы не знаем ни одного, хотя бы по имени²⁸. Можно лишь строить догадки: не принадлежали ли к ним некоторые из учеников, упомянутых в Новом Завете и других ранних документах? Среди них Иосиф Варсава, Матфий, который позднее займет место Иуды, Юстус, Вартимей, исцеленный слепец из Иерихона, Клеопа, или Алфей, быть может – отец Иакова, Элеазар, или Лазарь, из Вифании, который именуется «другом» Христа, некий Иоанн, прозванный Старцем, и наконец Аристион²⁹.

Талмуд называет пятерых апостолов Иисуса: Маттая, Никая, Тоду, Нецера и Були³⁰. Первые три, очевидно, – Матфей, Никодим и Фаддей; два последних не поддаются отождествлению. Быть может, они входили в группу Семидесяти. Интересно упоминание о Никодиме. Не говорит ли это, что он был ближе ко Христу, чем можно заключить из Евангелия? Кроме Никодима к тайным последователям Иисуса примыкал Иосиф Аримафейский, уважаемый член Совета, который впоследствии взял на себя печальную обязанность похоронить тело Распятого, а с Ним и свои надежды на близость Царства Божия...

Перечисляя учеников, нельзя обойти и женщин, «служивших» Иисусу. Некоторые из них принадлежали к состоятельным семьям и помогали маленькой общине материально. Это прежде всего Иоанна, жена Хузы, управителя дворца тетрарха Антипы, Саломия, мать Иакова и Иоанна, которая, вероятно, есть одно лицо с Марией Клеоповой³¹. Марию Магдалину часто смешивают то с сестрой Лазаря, то с блудницей из Капернаума, но для этого нет оснований. О прошлом Магдалины, жительницы прибрежного города Магдалы, сказано лишь одно: Господь изгнал из нее «семь бесов», то есть она была из числа исцеленных, которые последовали за Иисусом.

Сначала *апостолами* назывались, по-видимому, лишь те, кто выполнял особые поручения Христа, то есть Двенадцать и Семьдесят. Однако позднее титул этот стали понимать расширительно. Иногда так называли посланцев церквей, но чаще – всех тех, кто был свидетелем земной жизни Господа и пасхальных Его явлений³². Именно на этом основании Павел, который Христос явился на пути в Дамаск, и считал, что по праву именует себя апостолом.

* * *

Но вернемся, однако, к Петру. Какое место занимал он среди Двенадцати? Во всех списках он назван «первым» – несомненно, в смысле какого-то старшинства. В Евангелиях нередко говорится об «учениках и Петре» и тем подчеркивается его особое положение. Оно было известно и жителям Капернаума. Сборщик храмовой подати обращается именно к Петру, когда хочет получить деньги от назаретского Учителя. «Отдай им за Меня и за себя», – говорит Петру Иисус³³. Он словно ставит сына Ионы рядом с Собой.

Обычно Петр спрашивает Наставника или отвечает Ему от лица апостолов³⁴. Он просит изъяснить смысл притчи, уточнить значение тех или иных слов Господа. Вопрос: «Сколько

раз должен я прощать брату моему?» показывает, что Петр хотел перевести Евангелие на привычный ему язык. Воспитанный в Законе, он не мыслит заповеди иначе, как в виде четкой регламентации.

В одном древнем тексте есть фраза Петра, которая, вероятно, была первоначально и в Евангелии. Когда Христос говорит: «Я посылаю вас, как овец среди волков», – апостол возражает с некоторой тревогой: «А если волки растерзают овец?», на что Господь отвечает: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить»³⁵. И в других недоуменных вопросах Петра чувствуется сознание ответственности, которую несет старший.

Такова новозаветная традиция, таков и взгляд отцов Церкви. По словам св. Кирилла Иерусалимского, Петр – «первоверховный в сонме учеников»³⁶. А св. Иоанн Златоуст именует Петра «главой в лике апостольском»³⁷. Этому как будто противоречит изображение Петра в Книге Деяний. Очевидно, что власть Кефы в первой общине никак нельзя назвать властью непререкаемого владыки. Однако в действительности противоречия здесь нет. Господь вовсе не наделил Симона правами «абсолютного диктатора». Он вообще строго *запрещает* Своим последователям принимать иную власть, кроме власти любви и служения. Он ясно предостерегает учеников от желания господствовать. Кем должен быть среди них первый, Христос покажет, омыв ноги апостолам. Петр после Пятидесятницы станет нести именно это смиренное первенство служения. Пользуясь своим авторитетом для дела Божия, он никогда не будет превращать его в духовное насилие над остальными.

Скала Церкви

Сначала у Петра и апостолов не было причин для тревоги за Учителя. Недовольство отдельных законников не могло внушать больших опасений. Напротив, в Капернауме Иисуса окружало уважение влиятельных людей. Начальник синагоги Иаир, царедворец Антипы Хуза, командир римского гарнизона относились к Нему с благодарностью и доверием. Но год спустя все изменилось. После того как тетрарх приказал умертвить Крестителя, Иисус с учениками вынуждены были покинуть Галилею.

Насыщение хлебами близ Вифсаиды весной 29 года становится поворотным пунктом, от которого идет путь на Голгофу. Если раньше Петр и ученики могли думать, будто Наставник лишь ожидает Своего часа, чтобы явить миру силу и славу Мессии, то теперь они стали догадываться, что намерения Его иные. Но какие? Спросить Его у них не хватает духа.

Желание толпы объявить Иисуса царем, казалось бы, – самый подходящий повод для начала мессианской борьбы с силами зла. Но вместо этого Учитель скрывается от народа. А когда люди находят Его, Он говорит такие слова, что даже многие ученики не выдерживают и покидают Его. Как можно слушать эти речи? Что за чудовищная мысль – предложить Себя, Свою плоть и кровь в качестве вечной пищи миру?

– Не хотите ли и вы уйти? – обращается Иисус к Двенадцати.

– Господи, – отвечает за всех Петр, – к кому мы пойдем? Ты имеешь слова жизни вечной, и мы уверовали и познали, что Ты – Святой Божий³⁸.

Однако их веру ждет еще одно испытание. Прежде Иисус проповедовал и исцелял. Был в центре народного внимания. Все говорили о Нем. Теперь же Он превращается в бездомного скитальца, почти беглеца; Он уводит учеников в чужую, языческую землю, живет там тайно, сторонясь молвы. Вот когда можно сказать: нет, Он не Мессия, а просто неудачливый вождь, который упустил благоприятный случай и в результате потерял все...

Ученики все еще не решаются заговорить с Ним об этом. Он же, конечно, видя, что творится в их душах, хранит молчание.

Но вот они снова в пределах Израильских. Настает время сделать окончательный выбор: либо расстаться с Ним, либо сжечь все мосты и идти за Иисусом в неизвестность...

И тогда Он прерывает молчание:

– За кого почитают люди Сына Человеческого?

Он имеет в виду и толпу у Вифсаиды, и многих, кто внимал Евангелию Царства или получал исцеление. Ученикам известно, что все они видят в Нем чудотворца, пророка – но не больше.

«А вы за кого Меня почитаете?» Между собой они уже не раз называли Его Мессией, а Нафанаил еще при первой встрече сказал: «Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев». Но тогда была пора надежд, которые теперь сильно поколеблены. Тем не менее Петр от лица всех ясно и твердо отвечает: «ТЫ МЕССИЯ, СЫН БОГА ЖИВОГО!..»

* * *

Сколько понадобилось сил, чтобы произнести такие слова! Ведь они означали: у Тебя нет ни воинов, ни богатства, ни могучих сподвижников; Ты – Странник, Которому отовсюду грозит опасность, против Тебя вооружились власть имущие; Ты утомлен, обувь Твоя покрыта дорожной пылью, и все же – Ты Помазанник Божий! *Анта́ Мешиха!*..

Быть может, и сам Петр не понимает, как он набрался смелости сказать это. Ведь исцелений, проповедей, чуд с хлебами, даже невероятной встречи на ночном озере – всего этого

мало. Не вернее ли согласиться с толпой, что перед ними оживший Илия? Откуда же в Симоне столько дерзновения? Здесь – тайна, ведомая лишь тем, кто, встретив Иисуса, ощутил силу, идущую от Него...

Но какой смысл вложил рыбак в слова «Сын Бога Живого»? Ведь Он – не язычник, привыкший к мифам о божественных супругах и детях. С молоком матери впитал он веру в Бога непостижимого и единственного. Правда, Мессию иногда называли «сыном Божиим», но титул этот, довольно условный, применялся редко³⁹. Помазанника именовали Избранным, Отраслью, сыном Давидовым, Сыном Человеческим. Почему же Петр предпочел назвать Иисуса *Сыном Божиим*? Быть может, так он пытался выразить то необыкновенное чувство близости к Богу, которое исходило от личности Учителя? Или это подсказали ему слова Христа об Отце, Которого никто не знает так, как знает Сын? Слово «сын» в еврейском языке означало причастность («сын пророческий», «сын благословения», «сын гнева», «сын погибели»). В этом смысле существа ангельского мира именовались «сынами Божиими»⁴⁰. Как бы то ни было, в исповедании Петра обрело форму сознание того, что в Учителе миру явлена Сама Божественная Тайна. Не богословские теории, а опыт общения с Иисусом Назарянином вдохновлял апостола, когда он, вопреки очевидности, воскликнул: «Ты Мессия, Сын Бога Живого!»

Это подтверждает и ответ Христа Симону:

*Блажен ты, Симон Бар-Иона,
ибо не плоть и кровь открыли тебе это,
но Отец Мой, Который на небесах.*

Юлиус Шнорр.

Наличие Иисуса Христа Двенадцати апостолам

Иначе говоря, слова Симона Христос оценил как подвиг веры и дар откровения.

*И Я говорю: ты Петр,
и на этой скале Я построю Церковь Мою,
и врата ада не одолеют ее.
Я дам тебе ключи Царства Небесного;
и что ты свяжешь на земле,
то будет связано на небесах,
и что ты разрешишь на земле,
будет разрешено на небесах⁴¹.*

Вокруг этих слов и по сей день ведутся нескончаемые споры. Прежде всего необходимо отметить, что явственный отзвук арамейского языка свидетельствует, что обетование пришло из самых ранних пластов евангельского предания; считать его поздней вставкой нет веских причин⁴². Далее, если право «вязать и решить» дано и другим ученикам, то только Петру вручены ключи Царства. Это библейское выражение означает, что человек становится ответственным хранителем, попечителем, стражем⁴³. Такое служение невозможно осуществить одними человеческими средствами, но подвиг Симона – как земной ответ на божественное вопрошание – от этого не становится меньше. Он внял голосу Отца в тот момент, когда «плоть и кровь» умолкли, принял священный риск веры и поэтому стал *скалой*, на которой Мессия начинает воздвигать Свое Царство.

* * *

Мы не знаем, ответил ли что-нибудь сам Петр на речь Христа. Но, конечно, и он, и ученики почувствовали, как с их души спал груз сомнений, долго их тяготивший. Господь прежде никогда не объявлял Себя Мессией, даже и сейчас сказал об этом косвенно, но тем не менее Он *принял* исповедание Петра. Словно Он хотел, чтобы люди *сами* произнесли нужное слово, сами узнали Сына Божия в Учителе из Назарета.

Как бы то ни было, дни недомолвок, вопросов, загадок, недоумений, казалось, отошли в прошлое. Он Тот, о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.